

18+

Людмила Колтушкина
ПОД КРЫШАМИ
ГОРОДА
роман-калейдоскоп

Управление культуры
Администрации Екатеринбурга
культура.екатеринбург.рф

Национальный
ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Музей
Истории
Екатеринбурга

Ridero

ЛАБОРАТОРИЯ
ВОСПОМИНАНИЙ

Людмила Колтушкина

**Под крышами города.
Роман-калейдоскоп**

«Издательские решения»

Колтушкина Л. Б.

Под крышами города. Роман-калейдоскоп / Л. Б. Колтушкина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517140-5

Настоящие семьи бережно хранят свои истории. Цветные и чёрно-белые. Фотографии, вещи рассказывают о жизни бабушек и дедушек. Крыши домов помнят, где были счастливы родственники. Воспоминания семьи тесно связаны с историей страны и города.

ISBN 978-5-00-517140-5

© Колтушкина Л. Б.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Улица Алексея Толстого, 8	7
Черниковы	42
Репрессии	42
Станкопосёлок	48
Предсказания	57
Война	58
Работа	61
Да, да, да, да! Еда!	64
Зинаида Фёдоровна Козина	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Под крышами города Роман-калейдоскоп

Людмила Борисовна Колтушкина

*Посвящаю своим папе и маме,
Новиковым Борису Сергеевичу
и Кире Георгиевне,
и брату Пашке*

*Корректор Ольга Рыбина
Дизайнер обложки Ольга Королева
Иллюстратор Людмила Колтушкина*

© Людмила Борисовна Колтушкина, 2024
© Ольга Королева, дизайн обложки, 2024
© Людмила Колтушкина, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0051-7140-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Калейдоскоп – дорога в детство. Один глаз прищурен: стекляшки крутятся, похрустывая и удивляя замысловатыми узорами немыслимой красоты. Фигуры танца. Волшебство. Романтика. Всегда дыхание замирает, наблюдая цветное таинство.

Смотреть нужно на свет, иначе не увидишь. Сделал один виток, а какой узор будет дальше? Оторваться невозможно. Судьбы людей как битое цветное стекло. Каждый раз причудливый, неповторимый узор. Только мы сами его можем сложить. Убрал одно стёклышко – всё рухнуло.

Наполни калейдоскоп стеклом одного цвета – волшебство не получится. Хотя ярким оно будет, хоть блёклым. Нельзя крутить серость будней, тоску, уныние. И одной радостью танец жизни не закружит, не удивит.

Мелькают в калейдоскопе минувшие эпохи. Шляпки с вуалями, зонтики, перчатки, крепдешиновые платья, кирзовые сапоги, мундиры. Всё завораживает. Радует глаз.

– Смотри, какая картинка, – хочется показать другу.

Но рука дрогнула. Стекло рассыпалось. Мир в один миг изменился.

Цветное стекло счастья. Тихое. Светлое. Сиюминутное. Под каждой крышей своё.

Улица Алексея Толстого, 8

Улица Алексея Толстого затерялась в пространстве и времени к концу 20 века. Кроткая, приветливая, домашняя. Тихоня. Весна там наступала раньше. Бешенство цветов сирени и черёмухи было вызывающе дерзким. Яблони, сливы и груши к осени всегда хитровато улыбались незатейливыми уральскими плодами. Даже в годы, когда безжалостные похолодания и дожди совпадали с цветением в садах часто сердитого Свердловска. Тогда плодовые деревья повсеместно, по-матерински рыдая, осыпали сирую землю пустоцветом, как потерянными детьми. Но пологий пригорок улочки в потугах и схватках даже в холода рожал каждый год. Обласканные солнцем липы источали медовый аромат, привлекали пчёл. Пьянящие медоносы обеспечивали опыление и урожай. Зимы были дружелюбными и сытыми для птиц. Лакомств с деревьев хватало до новины. Пузатые снегири, весёлые свиристели, шустрые синицы были всегда сыты и довольны. И даже тоска осени, с её чавкающей грязью и расползающимися на осклизлой глине ногами, здесь не казалась такой традиционно гнетущей и безнадёжной.

Ладная и ухоженная, она начиналась от Берёзовского тракта, ставшего потом привычной нам улицей Блюхера. Ровной прядью поднималась вверх до Милицейской. После озорной девчонкой сбегала с пригорка к Советской. Соседние переулочек Парковый и Омская были хороши. Но не такие покладистые.

Красавица улыбалась своими незатейливыми домиками, воротами со створками и расстрепанными деревьями до начала 21 века. Для всех доступная и открытая. На смену смешным домам ушедшего времени с их палисадниками, кукольными постройками и запущенными посадками пришли современные многоэтажки. Крутые парковки и амбициозные паркинги, спрятанные под землёй. Всё стало аккуратно, чинно и безлико. За железными заборами с домофонами. На сегодняшний день лишь один дом не сдаётся, держит оборону. Угол А. Толстого, 16 – Милицейская, 51. Вот и вся улица. В засаде с ним спрятались махонький, взъерошенный домишко Милицейская, 53 да уцелевшие в спорах-раздорах полдома Омская, 21. Ты, да я, да мы с тобой – это город наш родной. Вот такая загадка. И разгадка к ней – забытые с начала 20 века два с половиной дома. В партизанском отряде с ними несколько роскошных лиственниц, росших на Милицейской. И не унывающие на все времена сирень с черёмухой из ушедших палисадников.

В начале прошлого века в Пионерском посёлке был сосновый бор. Прямо как на картинах Ивана Шишкина. Без медведей, но с грибами и ягодами. Приятные рощи с сыроежками, сопливыми маслятами, обабками. Земляничка кокетничала ягодками в траве. Колючая лесная малина хватала за портки. Лес корабельными соснами и зарослями кустов устремлялся вдоль Берёзовского тракта, прихватив Алапаевскую улицу на Бархотке, к Шарташу.

Май 2020 года. Екатеринбург. Последний дом ул. А. Толстого, 16 – Милицейская, 5. Пионерский посёлок. Личный архив

Май 2020 года. Екатеринбург. Дом на ул. Милицейской, 53. Пионерский посёлок. Личный архив

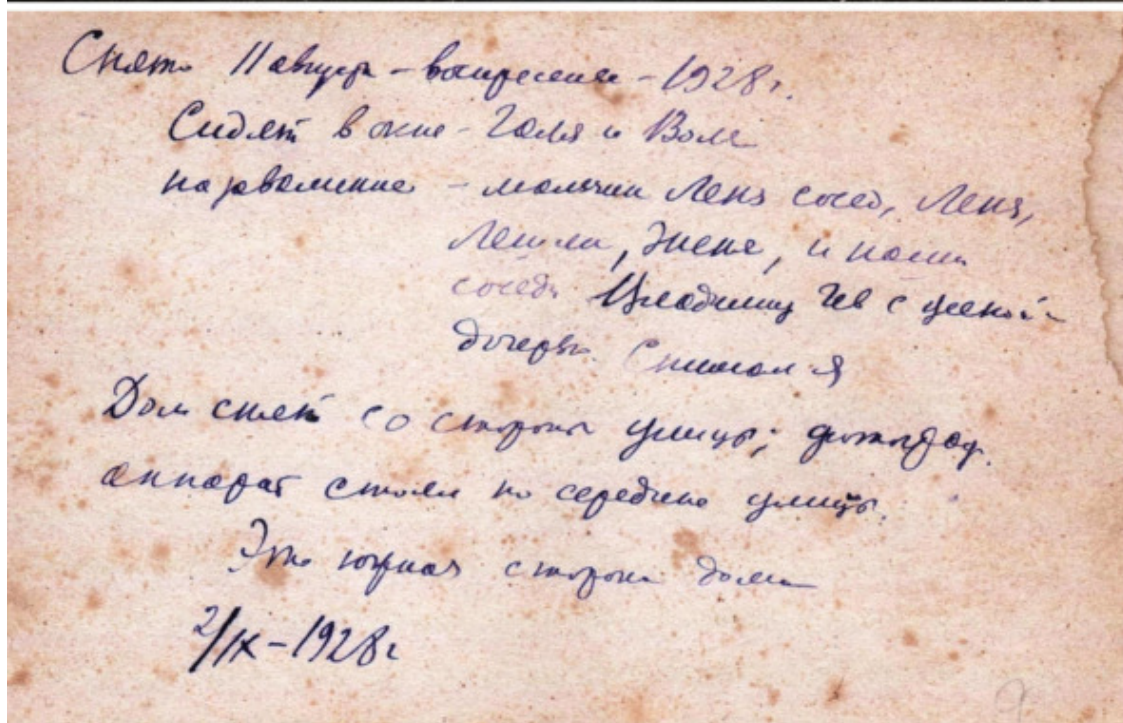
Май 2020 года. Екатеринбург. Пионерский посёлок. Уцелевшая лиственница ул. Милицейской. Личный архив

*Май 2020 года. Екатеринбург. Полдома на ул. Омская, 21.
Пионерский посёлок. Личный архив*

*1927 год. Свердловск. Начало застройки улицы
А. Толстого. Посёлок Новый. Личный архив*

Строительство дома на А. Толстого, 8. В окне и на завалинке семья Мезенцевых с соседями. На обороте надпись: «Снято 11 августа – воскресенье – 1928 года. Дом снят со стороны улицы; фотоаппарат стоял на середине улицы. Это южная сторона дома». Личный архив

1925 год. Железнодорожники ликовали. Им отвели место под строительство кооператива «Пионер». Застройку так и наметили: посёлок. Такой прообраз современного коттеджного собрата. Назвали его – Новый. Названия улицам дали простые и очевидные: 1-я Лесная (Омская), 2-я Лесная (Алексея Толстого). Только после Великой Отечественной войны переименовали район в привычный для нашего уха – Пионерский посёлок.

*1929 год. Семья Мезенцевых перед своим домом.
Личный архив*

г. Свердловск
Новый посёлок, 2-я Лесная, дом № 8
Стоит - Я с Лешечкой
23/IX-1929г. Удлерачев

1929 год. Свердловск, Новый посёлок, 2-я Лесная, дом 8.
Личный архив

1929 год. Нил Александрович с сыном и его женой.

Личный архив

Вдохновенно и радостно Новый посёлок застраивался типовыми пузатыми деревянными домами. Рублеными. На 2—4 комнаты. Участки под строительство выдавали бесплатно, коли ты имел отношение к железной дороге.

Строительный лес возили из Берёзовского. На лошадях. Местные сосны уступали по качеству. Они шли на строительство подворья.

Семьи были большие. Шумные дети, пожилые родители уживались дружно. Строили всем скопом. Скоро и сноровисто. Жильё предполагалось без удобств. Водопровод и канализацию не подводили. Зато была своя земля. Хочешь – огород сади. Хочешь – сад выращивай. Держи лошадь, корову, козу, порося, курей, уток. Как говорится, кто землю любит – тот голоден не будет.

Дома были тёплыми. Зимы обрушивались нешуточные. К схватке с лютым морозом готовились со строительства. Высокие пороги, чтобы холод не перетёк обманом с улицы. Ставили по 3—4 печи на дом. Грудастые голландки – для отопления. Из расчёта одна на две соединяющиеся комнаты. И ненасытные русские – на кухни. Готовить, воду греть на помывку, стирку и прочую нескончаемую домашнюю канитель. Печи не робели, были прожорливы. Но отзывчивы и благодарны.

Туалет присутствовал в доме, без удобств. Нужник. Вырытая выгребная яма, которую по надобности со двора из-под дома вычищали в огороды.

Водопровода не было. Водичку брали либо с колонки на Берёзовском тракте, городскую, либо из колодца на Милицейской, вкусную, сладковатую. Схватишь пустое ведро и сбежишь под горку. А с полным ползёшь, пыхтишь-отдуваешься.

Такой участок с соснами в небо под застройку получил Иван Нилович Мезенцев. Будущий профессор, уникальный педагог, один из основателей медицинского института в Свердловске. В 1930-е годы он работал учителем и директором в первой школе при Пермской железной дороге станции «Свердловск». Рядом со старым железнодорожным вокзалом выделили барак без удобств. Вот тебе и школа.

После здесь же была билетная группа станции «Свердловск-Пассажирский». Сейчас на этом месте один из выходов станции метро «Уральская».

24 января 1926 года. Свердловск. Около 1-й школы при железной дороге. Позади видно здание вокзала.

Архив Е. В. Мезенцевой

1927—1928 годы. Свердловск. 1-й выпуск 1-й школы при железной дороге. Внизу – здание школы. В центре верхнего ряда И. Н. Мезенцев, директор школы. Архив Е. В. Мезенцевой

1930-е годы. Свердловск. Приготовления к празднику в школе. Архив Е. В. Мезенцевой

*1930-е годы. Свердловск. Урок анатомии в школе.
Архив Е. В. Мезенцевой*

*Май 2020 года. Екатеринбург. Выход станции метро
«Уральская». Раньше здесь находилась 1-я школа
при железной дороге. Личный архив*

1927 год. Свердловск. На автомобиле лозунг: «Рабочий и крестьянин, учись! Грамотность закрепляет твою власть». Архив Е. В. Мезенцевой

В 1920-е годы молодая страна бурлила:

- Просвещение – орудие пролетариата!
- Неграмотный ребёнок – позор для матери!
- Кто умен, а кто дурак. Один за книгу, другой в кабак!
- Рабочий и крестьянин, учись! Грамотность закрепляет твою власть!

Лозунги повсеместно раздавали пощёчины своими хлёсткими призывами. Луначарский ратовал за латинизацию привычного русского алфавита. В. И. Ленин определил:

- Победить неграмотным народом нельзя.

Захолустному Свердловску повезло. С Иваном Ниловичем можно было победить. Всё! Более грамотного, образованного, эрудированного человека найти было сложно. Он обладал колоссальной, живой памятью. Знал пятнадцать языков: латинский, греческий, французский, арабский, немецкий, английский, испанский, румынский, венгерский, сербский, казахский, чешский, итальянский, украинский, старославянский. Обожал скучную мёртвую латынь и живую классическую русскую литературу.

*1909 год. Орёл. Алексеевская гимназия. Иван Мезенцев второй слева в верхнем ряду.
Архив Е. В. Мезенцевой*

Откуда взялся такой орёл? Да из Орла. Вольготного, свободного.

Любознательный и смыслённый мальчик из дворянской семьи с золотой медалью заканчивает Орловскую Алексеевскую гимназию.

Поступает в 1910 году в одно из главных учебных заведений России: Санкт-Петербургский Императорский университет. Историко-филологический факультет, отделение славяно-русское. Три года раньше там же учился Александр Блок. Ректором университета был дед А. Блока – Андрей Николаевич Бекетов.

*1910 год. Орёл. Иван Мезенцев уезжает на учёбу в университет Санкт-Петербурга.
Архив Е. В. Мезенцевой*

1911 год. Малоархангельск Орловской губернии. Иван Мезенцев со своим первым фотоаппаратом IDEAL 385. Архив Е. В. Мезенцевой

На сэкономленные со стипендии деньги Иван в 1910 году покупает фотоаппарат в центре Санкт-Петербурга. Настоящий немецкий IDEAL 385. С пластинчатой вертикальной камерой, выдвигающимся объективом, съёмными матовыми стёклами. В комплекте со штативом.

Фотодиво слишком громоздкое и тяжёлое. В 1930-е годы на смену зарубежному собрату пришел советский «Фотокор-1». Эта реликвия жива до сих пор у внука – Владимира Гелиевича Мантурова.

Магия фотографии! Хочешь с пользой для истории жить – умей с фотоаппаратом дружить. Установить камеру, поймать свет, выбрать ракурс. А потом ещё в темноте корпеть над таинством рождения снимка.

На втором курсе студент Иван Мезенцев начинает свой профессиональный путь учителя в одной из начальных школ Орловской губернии. Неутомимый Иван на неделе в Питере, а по выходным, каникулам, праздникам – в Малоархангельске. Детишки приходили на занятия в холщовых портках, лаптях. Мир открывался заново с волшебством чтения и письма. Неторопливо и спокойно шло обучение таинству: аз, буки, веди, глагол. Но детей учить – не ляды точить. Умей общий язык найти, рассмешить и наказать. Не справедливым будешь, как расплачутся твои ученики – сам расстроишься.

*1911 год. Малоархангельск. Начальная школа.
Архив Е. В. Мезенцевой*

Студенты – народ неугомонный, горячий. Мезенцев параллельно с работой и учебой на втором курсе женится.

Евгения Знаменская – выпускница Института благородных девиц, одна из тринадцати детей дружной и уважаемой семьи. Её отец – почётный гражданин и попечитель в селе Вязовом Орловской губернии. Все тринадцать детей получили образование.

*1910-е годы. Евгения Сергеевна Знаменская.
Архив Е. В. Мезенцевой*

*1900-е годы. Село Вязовое Орловской губернии.
Заготовка сена. Архив Е. В. Мезенцевой*

*1900-е годы. Институт благородных девиц.
Архив Е. В. Мезенцевой*

*1904 год. Орёл. Институт благородных девиц.
Евгения Знаменская пятая слева в верхнем ряду.
Архив Е. В. Мезенцевой*

1910-е годы. Сёстры Знаменские. Архив Е. В. Мезенцевой

*1911 год. Село Вязовое Орловской губернии.
Семья Знаменских (неполный состав). Слева – Иван
и Евгения Мезенцевы. Архив Е. В. Мезенцевой*

– Ах, этот эрудированный, кареглазый Иван...

С ним можно беззаботно болтать обо всем. О Пушкине и Некрасове, о засолке капусты, заготовке сена и о модах в Санкт-Петербурге. Переходить на другие языки: француз-

ский, немецкий. Беспочинно хохотать или молчать. Читать долгожданные почтовые карточки и писать надушенные парфюмом ответы:

– Если любишь – храни, а не любишь – порви, – когда вы влюблены, мир парит над землёй в особенной, лирической мелодии.

1910-е годы. Студент С.-Петербургского Императорского университета И. Н. Мезенцев. Архив Е. В. Мезенцевой

Взгляд Жени был пристальный, глубинный. Один глаз – зелёный, второй – карий. Очки всё усиливали. Казалось, добрая Евгения заглядывает прямо в сердце, пробуждает теплоту и сострадание.

Молодые люди были уже знакомы, когда сёстры и братья Знаменские решили погадать. Вопросы могли быть любыми:

– Каким будет лето? Что подарят на именины?

Но интригой всегда был суженый. Топили церковный воск и, задавши вопрос, лили его на студёную воду. Если кто возился и случайно толкал медный таз с водой на деревянном табурете в ответственный момент, на того не по-шуточному шикали. Младших вообще избегали брать на столь судьбоносные затеи. Всё испортят, останешься в девках. Женихов в округе было меньше, чем хотелось. На воск возлагали особые надежды. Восковая лепёшка плавает по поверхности, но пока не перевернёшь, смысла не выразишь.

У возбуждённой Жени ещё тепленькая восковица на влажной ладошке около свечи:

– Что это?

Явное лицо – к замужеству!

– Но почему с бородой? Неужели старик?

Хорошо хоть сёстры значения не придали, им-то ничего свеча не накапала. Вечер не выходил из головы. Вот Ваня приедет, ему можно даже это рассказать.

На вокзале Евгения нервничала. Иван после сессии едет из Петербурга:

– Вдруг последняя встреча? Потом будет этот старик нагаданный!

Скрипучие, деревянные вагоны фатально остановились за уставшим паровозом. В про свете тамбура материализовался знакомый силуэт. Фуражка, поднятый воротник.

Что это? Борода!!!

Столичный денди отпустил бороду! Чёрную, шелковистую.

– Ваня! Ты – бородач!

– Женька, это тебе подарок!

1910-е годы. Женя Знаменская едет в гости к Ване Мезенцеву в С.-Петербурге. На переднем плане с узелком.

Архив Е. В. Мезенцевой

1910-е годы. Евгения Знаменская на прогулке.

Архив Е. В. Мезенцевой

*Август 1914 года. Орёл. Иван Нилович Мезенцев перед отправкой на фронт.
Архив Е. В. Мезенцевой*

Окончание университета совпало с началом Первой мировой войны. В августе 1914 года Ивана мобилизовали в действующую Императорскую армию.

- Призывник Мезенцев, какими особыми заслугами обладаете во благо Отечества?
- Знание языков.
- Немецкий?
- Так точно!

*1914 год. Карпаты. Первая мировая война.
Переводчик И. Н. Мезенцев на переднем плане.
Архив Е. В. Мезенцевой*

– Определить переводчиком. Приставить к Корнилову. Лавр Георгиевич сетовал, плен-ных много, а на допросах понимания нет. В 48-ю пехотную стрелковую.

Оказывается Иван Нилович на австро-венгерском фронте в Карпатах. Легендарная дивизия. Стальная. Под командованием знаменитого генерал-майора Корнилова. Многочасовые допросы, дневные, ночные. От точного и быстрого перевода зависят судьбы людей, Отечества. Серьёзная ошибка – трибунал. Переводчик ты, повар, конюх, кто угодно – умей и боевое оружие держать. Война.

Конец апреля 1915 года. Бушующая цветением Галиция. Ошибка за ошибкой Императорской армии. Непобедимая Стальная окружена неприятелем в районе Дуклы. В безвыходном положении генерал берёт командование батальоном на себя. Раненый в руку и ногу легендарный командующий с измотанными бойцами в течение четырёх нескончаемых суток пытаются прорваться из этого ада к своим. Упорный штыковой бой Корнилова и преданных семи бойцов заканчивается австрийским пленом.

Генерал находится у неприятеля отдельно от своих, стальных. С третьей попытки ему удаётся бежать лишь в 1916 году.

Иван Нилович остаётся у австрийцев до марта 1918 года, пока не подписан мирный договор в Бресте. Где-то далеко дом, родные, школа. Любимая Женечка и сын Воля, рожденный после ухода на фронт. Дома о муже никакой ясности:

– Гадай – не гадай: пропал без вести.

Нет того хуже, чем жене без мужа и мужу без жены...

Сложит ли солдат земли русской оружие перед врагом?

– Никогда!

Переводчик без языка – что солдат без ружья. Мезенцев три года в плену оттачивает немецкий, с увлечением учит заковыристый венгерский, гортанный румынский, мелодичный сербский. Воевать – так не горевать, а горевать – так не воевать.

Когда было совсем тяжело, Нилыч пел «Врагу не сдаётся наш гордый „Варяг“»:

*Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает,
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг».
Пощады никто не желает...*

Любимая песня. Знаменитый марш-баллада. Вся жизнь Ивана Мезенцева и он сам как непотопляемый, бесстрашный «Варяг».

После войны Иван Нилович погрузился в учительство. Орловская, Курская области. Непрерывные совещания. Съезды с Н. К. Крупской, А. В. Луначарским. Переезд в Свердловск вместе с другом Петром Спиридоновичем Катаевым. По распоряжению Луначарского были направлены организовывать школы-интернаты в Уральской области.

*1920-е годы. Иван Нилович Мезенцев на уроке в школе.
Архив Е. В. Мезенцевой*

В 1931 году Катаев и Мезенцев стали одними из организаторов медицинского института. Иван Нилович возглавил кафедру латыни. Пётр Спиридонович стал первым директором медицинского института.

Преподавателей не хватало. По редким языкам не было вовсе. Крутился Мезенцев как белка в колесе: курсы рабфака, консерватория, музыкальное училище им. П. Чайковского, юридический институт, медицинский, УПИ, сельскохозяйственная академия, Промакадемия. В годы ВОВ – Высшая партийная школа и Урало-Казахская академия. Весь город был обучен иностранным языкам Иваном Ниловичем.

Пособий для обучения не было ни у студентов, ни у преподавателей. Мел и доска, тетрадный лист и перьевая ручка. Всё. Иван Нилович сам прописывал лекции и составлял программу обучения. И как методист, и как психолог. Приходилось учебники составлять самому. Словари. На пять тысяч слов и более.

Письменный стол, любимое удобное кресло прямо на кухне, тетрадка, склянка с чернилами и перьевая ручка. Эпоху шариковых ручек, которыми пишем мы с вами, Иван Нилович не застал. Писал очень быстро, грамотно, без помарок. Красивым, ровным почерком. Почти всех своих студентов знал и обращался по именам. Через несколько лет после окончания института при встречах помнил выпускников.

Лекции Мезенцев вёл интересно. Живо и ярко. Он сразу предупреждал:

– Неинтересно? Вы можете уйти. Удовлетворительную оценку поставлю и так. Никого ругать не буду.

– Нет. Мы останемся.

– Отлично. Тогда уговор: тишина. Кому станет скучно, тихо можете покинуть аудиторию.

Стороны договаривались, лекции этого преподавателя любили, ждали и не пропускали. Такой скучнейший предмет, как латынь, знали и сдавали все. Спасибо, Иван Нилович.

Грамоты за работу. Подарки. Премирование бесплатными путёвками для всей семьи в Крым. Счастливое и беззаботное время первых пятилеток СССР.

Пока строился дом, Евгения Сергеевна ждала в Малоархангельске уже с четырьмя детишками. Трое сыновей и дочка. Разгибала уставшую спину с мыслями: «Вот Ваня достроит дом и заберёт нас». Ребёнок без матери – что стол без скатерти. Не уедешь без детей к мужу на подмогу. Время шло, писали друг другу письма. То крыша не подведена, то пол не постелен. То да сё – и время всё. Вмешалась мудрая Зинаида Фёдоровна, мама и свекровь:

– Женя, а ты что ждешь? Он ведь где-то спит и что-то ест. Забирай детей, поезжай к мужу. Не накормишь его, найдется кому кормить.

Мужчина нужен, когда на столе ужин. Верно и жизненно. Около одиноких мужчин всегда найдётся кто сначала кусок хлеба в дом принесёт, а потом и останется.

Заканчивали строительство дома все вместе. Детвора вениками подметала. На палках-лошадках скакала по невозделанному участку. Брала в плен берёзовые поленья, как отца когда-то австрияки. Но безоговорочно их отпускала, если просила печка.

Забрали к себе жить отца-свёкра отставного чиновника почты Нила Александровича Мезенцева из Малоархангельска. Дедушка Нил пчеловодством занялся. Улица в липах. Летом завесой аромат висит. Всё исчезает в зеленовато-жёлтом цветении. Что медоносам зря простаивать? А как зима, так с липовым медком любая хвороба отступает. Внукам успеть дворянскую мудрость передать.

1 августа 1928 г. 6
Верста до каменного дома —
— в лесу
Сосны. Скиперка и пень
Сидит мой сосед Микола Иван
едет в поле с ребенком, сидит Микола
у соседа Микола, сидит Микола, Микола
Микола Иван — Я с аппаратурой своей
и Микола
У/И-781

11.08.1928. Свердловск, посёлок Новый. Иван Нилович со своим фотоаппаратом. Часть подписи на обороте: «Одна верста (=1 066,8 м) за нашим домом в лесу. Скипятили и пьём чай. Фотографирует сосед». Личный архив

Невестке по житию-бытию помочь. Завели лошадь, свинью, курей. Всем места и дел под крышей хватало. Так и время летело: день да ночь — сутки прочь.

Дети играли прямо на улице. И зимой, и летом. Со всех домов собирались. Дружно. Драк не было. Могло внутри семьи что-то мелочное вспыхнуть. А между домами не ссорились. Птиц ловили.

1927 год. Свердловск, ул. А. Толстого, 8. Всеволод, Галина и Алексей Мезенцевы. Семейный архив

1927 год. Свердловск, ул. А. Толстого, 8. Забава детей – ловля птиц. Справа: братья Алексей и Всеволод Мезенцевы. Семейный архив

1927 год. Свердловск. Конка, посёлок Новый. Мальчик – Всеволод Мезенцев. Архив Е. В. Мезенцевой

Здорово было с отцом в город выбраться. Прокатиться на машине или на конке. Но это если папа разрешит. Отцу никто не перечил и не капризничал.

Зимой на санках и лыжах катались. Вместо палок – жерди. В снег проваливаются глубоко. Вытащить – тяжело, варежки скользят по древку. Наденешь лыжики на валенки и карабкаешься по пологому склону вверх к Милицейской, а к Берёзовскому тракту катишься под гору. Наперегонки, у кого быстрее получится!

Убегаешься так, что тяжёлое ватное пальто от снега и вовсе неподъёмное. В валенках снег, на рукавицах шерстяных – ледяные катышки. Пить захочешь, вырвешь ледышку прямо с шерстинкой, как карамелька получается. Перед тем как в дом зайти, снег из валенок вытряхнуть надо. Друг друга вениками прометёшь и ими же сражение устроишь. Потом всё мокрое около печек разложить. Забудешь – идти в другой раз будет не в чем.

1930 год. Свердловск, ул. А. Толстого, 8. Катание на лыжах. Дети Мезенцевы. Личный архив

Гостям всегда были рады. Приезжали близкие из Орла. Всё нравилось: ворота с козырьком, дом уютный, двор с курицами, дровяник крытый, палисадник и сад, как дома, яблоневый. Огород Мезенцевы решили не закладывать. Пусть будет сад. Малина, смородина, вишня, яблони. Картошку невелика мудрость вырастить. А вот свои яблочки грызть – зубы крепче будут, румянец зальёт щёчки. Что ешь – тем и становишься.

Весело было на скамейке перед новыми воротами сидеть. Дерево скамьи в любую погоду тёплое. Ноги до земли не достают, болтаются в воздухе. Можно скинуть сандалии и через пальцы ног солнце смотреть. Или качели сделать из пузатого чурбана. Выбрать понравившийся из запасов для печки да доску на него бросить. И летать весело вверх-вниз:

– На горе или в болоте.

– Я из Орла, а ты в полёте!

А потом бежать на теплую кухню к рябцы есть. Мама, бабушка и тётка уже картошку помыли с кожурой, порезали прозрачными кругляшами да на печи без масла подсушили. Самая вкуснота, когда картофельный срез родинками-пятнышками подгорит от печки. Рябчики хрустящие, как язык по форме. Удобно в рот класть. Соль в уголках губ собирается. Её потом языком оближешь. Приятное послевкусие.

Чай пить из самовара. Залезешь с ногами на венский стул. Перельёшь кипятком из кружки или стакана в блюдечко, чтобы не так горячо было. И втягиваешь в себя шумно. Так вкуснее. На столе варенье яблочное как мармелад. Мёд дедушкин. Да сахарок, колотый щипчиками. Сунешь его за щеку и через сладость втягиваешь чай. Ещё и смешно. Чай не пить – какая сила, чай попил – совсем ослаб.

Лето 1937 года. Свердловск. Внутренний двор дома на ул. А. Толстого, 8. Личный архив

*Лето 1937 года. Во дворе на А. Толстого, 8.
Личный архив*

*Лето 1937 года. Во дворе на А. Толстого, 8.
Личный архив*

Зинаида Ниловна, сестра Ивана и любимая тётка детворы, за фортепиано садилась в общей комнате. Пальцы длинные, тонкие. Клавиш будто не касаются. Только утончённое колечко золотое с вытянутым чёрным агатом в воздухе грациозно покачивается. Романсы льются:

*Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые...*

Счастливое время! Невозвратимое. Все вместе. Беззаботны, полны планов и надежд.

Ходили всем скопом на Шарташ по Берёзовскому тракту. Удочки иногда брали. Загорали на камнях, торчащих идолами вдоль берега. Вода в Шарташе темноватая, но чистая. Под камнями раки жили. А рак в гнилой воде не обживётся. Наплещешься, как в родном Орлике, притоке Оки. Портки сбросишь и лежишь, солнцу радуешься. А кто задремлет, свежесть воды окатит нагретую кожу. Опять водная битва с хохотом и проказами.

На Исети на лодке катались. Все в одной не помещались. Партиями. Хорошо – мальчишек много. Не было проблем с гребцами.

Летом 1937 года бабушка Зинаида Фёдоровна и Зиночка с Жоржиком приезжали с двухлетней Кирочкой. Ну такая кнопка хорошенькая! С рук её не спускали. Волосы ниже пояса. Одно что малявка. Атласной лентой подвязаны, чтобы на глаза не падали. Платица все рукодельные, в кружавчиках. Дед Нил нарадоваться не мог ещё одной, пятой, внучке:

– Приезжали бы на подольше.

– Даст бог, приедем, – кто бы знал, что так будет.

Тем же табором. Только без Жоржика. Георгия Яковлевича Черникова. Кадрового командира эскадрона Императорской, а затем и Красной Армии.

1937-й вступил в осеннюю непогоду. Жестокий и кровавый. Ветер расправлялся с листьями, а правительство – с людьми. В домах стали разговаривать тише. Появились подозрительные взгляды. Страх просачивался под закрытые двери и ставни.

Поздний вечер доделывал привычные дела. Уставший за день дом на А. Толстого, 8 отдыхал. Убегавшиеся дети беззаботно спали. Дедушка Нил ещё ворочался. Обдумывал, как победить покосившийся забор. Евгения Сергеевна заводила бесконечное тесто на утро. Иван Нилович привычно сидел в рабочем кресле, корпел над планами лекций. Вдруг негромко, но обречённо брякнуло увесистое металлическое кольцо на калитке знакомых ворот.

Черниковы

Репрессии

Осень 1937 года размахивала кровавой нагайкой. Налево – направо. В стране стало неуютно. Исчезали искренние разговоры на улицах. Багровые вечера коварно улыбались сквозь выбитые зубы и розовую слюну сукровицы по всей стране Советов. Мирные жители строящейся, поющей гимны и выстраивающейся спортивными пирамидами страны тихонько приходили с работы. Хищная работа «ежовщины» только начиналась с сумерками. Как у вампиров. Энкавэдэшные машины, «чёрные воронки», беспардонно ездили, как извозчики общественным транспортом, привычными маршрутами:

- Садитесь, мы за вами.
- Ой, спасибо. Мы сами пойдём.
- Сказано – садитесь. У вас нет выбора. Ваша станция – конечная.

Их провожали из-за штор беспокойными взглядами, бледными лицами. Порой, наивно обменивая совесть на желание занять чью-либо квартиру. Или просто не думая. Или по сформированному партией большевиков сознанию:

- Помочь! Во имя светлого будущего.

Молодая страна строилась. Удобно выбросить старый хлам культуры, науки, интеллигенции, вековой мудрости на помойку истории, насладившись собственным мгновенным невежеством. Запуганный народ – удобный. Как скот. Стоит в стойле, куда прикажут, туда и рыло повернёт.

После переезда из Орла в Свердловск Нил Александрович пошёл на Шарташский рынок. Он на ещё необжитой уральской земле встретил своего двоюродного брата, жившего в Орле! Виданное ли дело! Только расстались и родное лицо!

– Вот удача так удача! – Нила Александровича переполняли эмоции. – Брат, родной человек! На чужбине!

По глазам собеседника было видно, что Нил прав. Но военный, в штатском на тот момент, с поднятым воротником и бегающим взглядом сухо ответил:

– Вы меня с кем-то спутали, – быстрее, чем надо, развернулся и пошёл прочь знакомой с Орла походкой.

Нил Александрович не стал настаивать на знакомстве. Не от хороших времён брат оказался в штатском, отказался от погон и от имени. Бесследно исчезали истории родных бликами по мутной воде.

Бежали за Урал, чтобы уцелеть, выжить. Дать древу своей жизни пригнуться от вихря событий, но не вырваться с корнями.

Тихим семейным вечером страшные, неприятно пахнувшие гнилью и адом люди забрали Георгия Яковлевича Черникова в собственном доме в Орле.

1910-е годы. Орёл. Двоюродный брат Нила Александровича Мезенцева. Архив Е. В. Мезенцевой

– Зиночка, я ни в чём не виноват, – поцеловал он спящую дочку, обнял испуганную жену. Улыбка осветила благородное, волевое лицо сильного человека. Черников шагнул в безысходность времени.

Зиночка суетливо заплетала-расплетала косу, не могла успокоиться, меряя обустроенный, уютный дом шагами:

– Не виноват, не виноват, не виноват...

– Уезжай! – вывела из оцепенения Зинаида Фёдоровна решительным голосом.

– Мама, куда ж я с ребёнком на ночь глядя? Утром узнаю, что и как с Жоржиком. Он и не виноват.

– Уезжай! Прямо сейчас!

– Куда уезжать, в Польшу к родственникам мужа?

– Уезжай! На Урал. К брату Ивану, в Свердловск. Уезжай!!!

Вещи наспех покидали в льняную скатерть с красной вышивкой, сдёрнутую тут же со стола с остатками ужина. Чашка, из которой недопил Жоржик, сиротливо соскочила на пол, плюхнулась неуклюжим птенцом и, виновато вздохнув, разбилась.

Сонная Кирочка попыталась пореветь, но, узнав, что поедет на поезде, сдержалась:

– С папой?

– Нет. Он приедет. Позже. Обязательно приедет.

Перекрестились. Сели на дорожку. На счастье.

– С богом! – Зиночка с Кирой капелькой дополнили реку хаоса сталинского времени.

До утра Зинаида Фёдоровна так и не сомкнула глаз. Всё думала о зяте, дочери, внучке.

Ребёночка Черниковы ждали долго. Жоржик то воевал. То опять воевал. Как братья, дед, прадед. Потомственная династия кадровых военных.

Зиночка ждала. Кисеты вышивала. Домом занималась. Через семнадцать лет после свадьбы аист принёс свёрток с долгожданной доченькой. Назвали в честь Кирова. Сергея Мироновича.

– Назовём Кира, – обрадовался Жоржик.

– Хорошее имя. Госпожа по-гречески, – согласились и мама, и бабушки.

– Дамы. Господ больше нет. А вот Киров – революционер с большой буквы.

Дочь с рук не спускали. Жоржик яблоки собирать – Кирочку на телегу с собой. Фруктовый сад нескончаемый, вдоль двух улиц тянется на берег Орлика. Васька – верный конь – тоже в яблоках, как и сад. Глазом умным косит на своего хозяина. Спас жизнь в бою командиру Черникову. Потерял сознание Георгий Яковлевич. Контузия. Васька чувствует, хозяин отяжелел. Подождал-подождал. Постоял-постоял. Да и пошёл к своим, без команды. Вынес с поля боя командира. Вот такая лошадиная премудрость.

Утренний долбёж в дверь стряхнул воспоминания с ватной после ареста Зинаиды Фёдоровны.

– Хозяйка, открывай. Контры недобитые. Здесь супруга с дочерью проживают Черниковы?

– А их нет.

– Как нет?

– А так и нет. И не было. Не знаю, где они. Извините. Вы идите. У вас работы много.

– Мразь всякая. Страну Советов бесчестите.

Оказавшись после мытарств в Свердловске, вымотанная Зиночка еле добралась с вокзала до Толстого, 8. Сил едва хватило на металлическое кольцо ворот. Рука взяла железяку, а ударить не может. Раз, два...

– Мама, давая я, – Кирочка тормозила снизу за подол пальто. Дочка за дорогу стала сразу взрослей.

– Три!! Ива-а-Н-Н-Н! – пошел звук набата во вселенную.

Иван Нилович несколько удивился, внезапно увидев на пороге сестру с ребёнком.

– Зина, ты откуда? Как ты здесь оказалась?

Так часто они не предполагали видеться.

– Мы из дома. Из Орла. Жоржика нашего арестовали. Он не виноват. Ни в чём.

– Зачем же вы приехали? А если нас всех заберут? – первая мысль была током.

За домом Ивана Ниловича тоже следили. Это не считалось чем-то особенным в те времена. Стыдным. Все прекрасно знали, что женщина в доме напротив следит за Мезенцевыми. За Иваном Ниловичем, знавшим столько языков. Кто приходит, кто уходит. Пишет доносы и отправляет в НКВД.

– Простите. Нормальный человек может знать пятнадцать языков?

– Нет!

– На сколько разведок он может работать, а?

Иван Нилович со своим соглядатаем был в прекрасных отношениях. В окошко ей всегда рукой махал. Сочувствовал:

– Всем надо кормить семью.

Зиночку с дочкой определили в чулан. Больше некуда. И угол свой, и от глаз посторонних ограждены.

– Будем ждать вестей от Жоржика. Раз не виноват, то долго держать не будут. Что-нибудь придумаем.

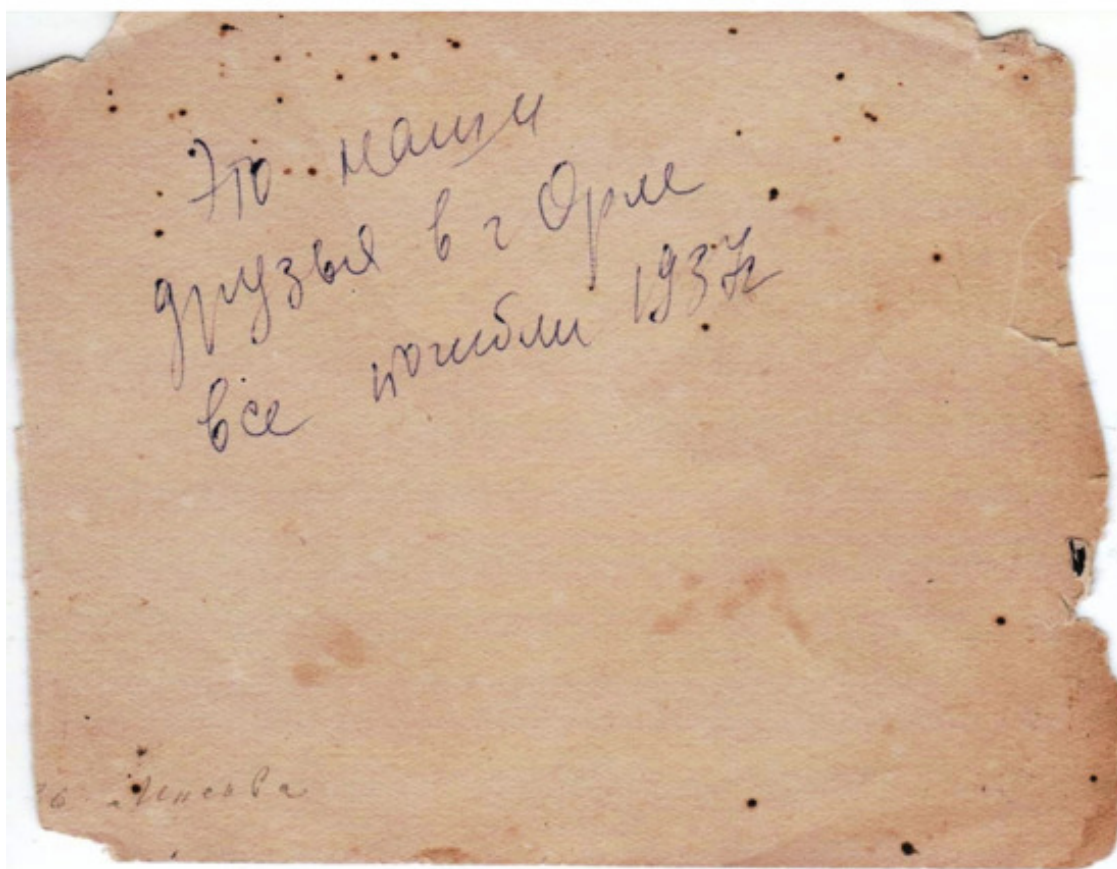
В любом месте веселее вместе.

10 апреля 1934 года. Лагерные сборы. Командир Красной Армии Георгий Яковлевич Черников шестой слева в третьем ряду. Личный архив

*15 июля 1920 года. Орёл. Праздник в день открытия
2-го конгресса 31-го Коммунистического интернационала. Георгий Яковлевич Черников
на переднем плане.
Личный архив*

1937 год. Орёл. Друзья Черниковых. Личный архив

Станкопосёлок

В конце лета 1938-го Зиночку взяли на работу. Счастье-то какое! Никто не поинтересовался:

- Кто вы?
- Откуда?
- Кто были родители до 1917 года?

Наконец-то судьба улыбнулась. Про Жоржика никто не вник. Зиночка с Кирочкой могли из врагов народа стать среди народа. Вместе с народом. Бегство на Урал меняло судьбу многих. Затеряться, раствориться, выжить. Здесь не искали.

Свердловский завод агрегатных станков расширялся. В бухгалтерию требовался калькуляр. Тут-то и пригодились музыкальные пальчики. Вместо фортепиано Зинаида Ниловна села за счёты. Из натурального дерева, как и рояль. На металлических прутьях висели деревянные костяшки, похожие на плоды. При работе костяшки приятно шуршали, будто мурлыкали. Коньячного оттенка, по две черных посерединке. Счёты солидные, массивные – не промахнёшься. Они занимали почти половину рабочего стола. Зато набирать-сбрасывать можно не глядя. Когда счёт обнулялся, они наклонялись. Костяшки скатывались, шумно подталкивая бочками друг друга. Слагать-вычитать, умножать-делить, брать проценты. Огромные числа покорялись за секунду. В руках Зинаиды Ниловны всё становилось элегантным. Даже скучные, обыденные вещи. Счёты и Зиночка сразу подружились.

Завод – это отлично. Единый механизм, как скованный, связанный одной цепью. Хороший соцпакет. Женщины могут пользоваться фабрикой-кухней, покупать там приготовленную уже кем-то еду. Отдать детей раньше месяца в ясли. И работать-работать-работать. Строить светлое будущее, теряясь бесследно в настоящем. Хоть серпом, хоть молотом. Дружно маршировать, петь вместе со всеми с энтузиазмом:

*Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесём через миры и века.*

Но самое главное!!! Свой угол! Строителю социализма полагалось жильё. Комната в Станкострое, дом 6, квартира 6. После бегства из своего двухэтажного дома в Орле. Мытарств. Чулана без окон у брата Ивана. Своя комната!!! Ну и что, что в бараке. Уют можно создать везде.

Хорошо с Мезенцевыми. Но их самих ровно семеро по лавкам. Ещё плюс четыре человека, и дом лопнет, как гостеприимный Теремок.

Станкопосёлок был и правда как посёлок. И при заводе, и сам по себе. Группа озорных барачков, построенных для работников быстро развивающегося производства станков. Первый километр радовал своим местоположением. Автобусная остановка имеется. Рядом озорная речка Основинка. Источник с ключевой водой под боком, минут пять. Сосновый лесочек скрадывал маслянистый тяжёлый запах завода. Местность болотистая, но с тропками. К брату на Толстого пешком можно сбежать. Летом на Шарташ всем вместе податься. Покорили сердце мелкие цветы, разброшенные между пустырей. Станкострой, ты как будущая картина маслом на чистом холсте. Только лучше!

Жильё хоть и барачное, без удобств. Но свежее, не выеденное сажей. Станкострой строился как временное доступное жильё для работяг. Кухня общая. Туалеты между бараками.

За каждой комнатой закреплён на улице дровяник. Хочешь овощи храни, хочешь – уголь. Навесные замки на дверях были условностью. Никто не воровал.

Баня прекрасная.

– Парилка о-го-го какая! – светлое будущее строится чистыми душой и телом людьми.

Керосинки уютно пытели под кастрюльками. Уголь приплясывал, отапливая в морозы. Клумбы, столики-скамейки, котик на форточке. Пролетарский рай!

– Уж мы как то выживем. Продержимся. А там и Жоржик найдётся. Невинных долго не держат, – радостные мысли помогали Зиночке обустроиться на новом месте.

Зинаида Ниловна Черникова. Личный архив

*1915 год. Орёл. Институт благородных девиц.
Зинаида Ниловна Черникова справа. Личный архив*

*1935 год. Жоржик и Зиночка.
Георгий Яковлевич и Зинаида Ниловна Черниковы.*

Личный архив

1936 год. Орёл. Кира Черникова. Личный архив

Родственники выслали беженкам кое-какие вещички из Орла. Контейнер не большой, что вошло. Но своё, родное. Заново добро наживать не с чего. Да и всё после революции какое-то чужое. Топором рубленное. Как говорится:

– Корзину, картину, котомку, – собственно, жизнь и состоит из этого. – Шпильки, заколки да нитки-тесёмки.

Ещё и красивый бантик.

Брат Зинаиды-старшей и Клавдии Козиновых работал управляющим в имении Льва Толстого. Граф одарил его за верную службу книгами из своей библиотеки и каминными часами с боем. Мелодичный звон оглашал комнату Станкопосёлка приятным тягучим звуком. Сначала с поскрипом закручивалась латунная пружина. Потом молоточек по наковаленке:

– Тип-топ. До встречи через пятнадцать минут, – каждый раз мелодичный звон галантно снимал шляпу, прежде чем явиться звучанием в комнате.

Усатые стрелки вели вечный спор:

– Кто главнее?

– Я, я, я, – стройная, торопливая минутная доказывала свою правоту.

– Я! – степенная, толстая часовая не желала уступить.

Часы заводились причудливым ключом:

– Кряк-кряк-кряк, – внутри деревянного корпуса механизм приветствовал мир, поднимала шляпку пружинка.

Звук был брюзжащий, но благородный. Завода часам хватало на неделю. По воскресеньям был ритуал запуска времени.

Под большим секретом завернули в полотенца семейные иконы.

– Не дай бог коммунисты узнают. Зиночка, доченька, сразу спрячь под тряпки в комод, – Зинаида-старшая сохраняла мудрость в любой ситуации.

Самой-самой вещью являлась ножная швейная машинка фирмы «Зингер». Она и кормила, и красоту дарила. Брали подряд на всю женскую артель. Строчили для бойцов Красной Армии. Как корабль, неубиваемая работяга на чугунной основе. Только рокот убаюкивал:

Иван Фёдорович Козинев. Управляющий имения Льва Толстого. 19-й век. Личный архив

– Ду-ду-ду-ду-ду-ду, – когда весь день, а когда и за полночь.

Ноги покачивались на удобной подставке, а руки свободные. Ткань бежит-бежит и превратилась в рубашку, юбку или шемизетку. Деревянный фирменный корпус дореволюционной трудяги весь в медалях. Есть за что! Швейная машинка жива-здоровая и сегодня, третий век работает. Неубиваемый «Зингер», сколько ты сшил изящных платьев, подрубил бязевых простыней и обстрочил палаток для зимней рыбалки! Ну, и портков для Красной Армии! Без этого армия не армия.

Орёл потерял. Свердловск приобрёл. Станкострой необыкновенно выиграл. Всех впереди ждала новая жизнь. Другая.

Шестая квартира шестого дома Станкостроя пригрела четырёх женщин. Зинаиду Ниловну Черникову с трёхлетней дочкой Кирочкой, Зинаиду Фёдоровну Мезенцеву, или Зинаиду-старшую, маму Зиночки-младшей и Иван Ниловича, бабушку Кирочки и всех босоногих обитателей с А. Толстого. И четвертую женщину – Клавдию Фёдоровну Козину. Сестру Зинаиды-старшей. Даму воспитанную, крайне тихую. Такой сложно найти себя в хаосе революции. И, вообще, каким-либо образом выжить одной среди большевиков. А в доме с тётей Клашей уютно, чисто и надёжно.

Четыре женщины в одной тесной комнатухе. Четыре благородных сердца. Дамы ушедшей эпохи и воспитания. Исчезнувшей культуры, поруганной веры и безвозвратно забытых нравов.

Своя комнатка! Хорошо-то как! Тихонько жить, хранить свою тайну. Всеми радоваться.

И ждать:

– Кируша, собирайся. Состав брёвен пришёл. Пойдём, может восточку найдем. От папы.

– Мама, как же мы найдём? Тут такая гора леса.

– Доча, смотри. Наш Жоржик букву «Ч» обычно с завитком оставлял. Она и подскажет.

Железнодорожную станцию заставили платформами с лесом. С Востока. На многих были буквы. Инициалы, цифры, какие-то условности. Люди привидениями бродили среди этого хаоса. Осматривали в темноте, как полоумные. Состав сопровождала охрана. Но так как лес не растаскивали, а только осматривали, охранники покуривали-помалкивали. Понимали, что в стране творится. Слез не было. Только желание на уровне инстинкта найти восточку. Редко у кого получалось. Но случаи были. Ходили, искали, верили. Вензеля Ч. Г. нигде не было. Жоржик молчал.

– Мама, а папа теперь вот так один выдёргивает деревья? Без лошади?

– Кирочка, может и брёвна. А может и на руднике уран добывает. Как его брат Володя. Помнишь Владимира Яковлевича, у него офицерское звание было выше? А Жоржик наш всё может. Он и не в такие передраги попадал.

Так и зажили при заводе. Зинаида-младшая уходила на работу. Сёстры Зинаида-старшая с Клавдией оставались с внучкой Кирочкой, туда-сюда, шир-шир по хозяйству. Как говорится, дом на старом да малом. О детском садике не могло быть и речи. Кирочку воспитывали сами, по-домашнему. Вкладывая в это всю любовь, нежность и нравы ушедшего их времени. Не так, как завещал нам великий В. И. Ленин. А как нужно воспитывать девочек. С порядком в голове и вещах, чистым носовым платочком в кармане и поэтическим настроением в добром сердце.

Предсказания

Вначале Черниковы известие о войне не восприняли долгосрочно. Столько уже всего пережили. Мужчины в роду мужа из поколения в поколение воевали, где только царь-батюшка ни прикажет. Тут то белые, то – красные. Чёрт ногу ломает.

– Может, недоразумение какое-то?

– Кто их разберёт, этих вояк.

Гадать Зина начала ещё в Институте благородных девиц. Модное развлечение девчонок. А у Черниковой пошло серьёзно. Что скажет – то и сбывается. Карты Таро стали верным спутником. Дело ведь ни в картах. А в расшифровке. Разложишь квадрат и вертишь, что – как совпадёт. Вот тут и начинается гадание. В каждом случае своё толкование. Только заметила Зиночка: себе лучше не гадать. Счастье упустишь. И по мелочам: какая погода через час, – тоже не стоит.

Живи, не как карты скажут, а как бог велит. А вот людям помогала. Свои услуги никогда не выставляла напоказ. Но находили её сами. То ли огромные глаза притягивали, то ли в сказочной красоте вязли.

Цыгане всегда с Зинаидой общения искали. За свою принимали. Хватали за руки и на своем доверительно лопотали. По-цыгански. Зина отстранялась:

– Ромалы, не цыганка я, не понимаю.

Улыбнутся золотыми зубами в ответ:

– Как ни называйся, а ты гаданием занимайся, – и исчезнут. Ни здравствуйте – ни до свидания.

В Свердловске много цыган было. Все черноглазую красавицу Зину за свою принимали.

Да и примет Черникова много знала. И не хочешь в них верить, а они сбываются. Никогда не держала Зинаида в доме сухие рогоз с бессмертником. В природе безобидны, вдохновляют. А домой попадут, главными станут. Горе придёт. Слезы по покойнику.

Гадала, когда видела, что помочь надо. Один раз женщина приходила, ребёночка очень хотела. Да с мужем согласия не могли найти. Плакала. Зина слушала-слушала. Потом молча карты разложила:

– Ну вот же, девочка скоро будет, – всё и хорошо.

Но это только с ребёночком, а дальше ещё смерть какая-то. Не сказала Зинаида ничего, вопрос ей задавали не об этом. А позже пришла эта женщина снова. С дочкой. Девчушка – копия мама.

– Спасибо, так всё и вышло, как вы сказали. А вот муж... погиб. В первые дни войны. Лётчик он у меня. Был. Не вернулся его самолёт...

Зина знала и молчала. Нельзя жизнь торопить. Всему свой черёд.

– А вот с Жоржиком и карты молчат, и снов не вижу. Значит, не время узнать, – себя успокаивала.

Незадолго до нападения Германии Зиночка видела сон. Неприятный, гнетущий. Долго не выходил он из памяти. В комнату залетела как будто шаровая молния. От неё загорелись столбы. Свечение долгое. Ненасытное. Потом всё взорвалось. Наступила глобальная темнота. Страшных горящих столбов было четыре.

Зиночку долго не отпускало чувство вселенского страха. Нервные окончания гудели по всему телу. Сознание рисовало страдания Жоржика. Когда репродуктор 22 июня разнёс известие о нападении на границы СССР, Зинаида облегчённо вздохнула:

– Сон не о муже. О войне. Четыре года воевать будем, – она знала. Всё так и получилось.

Война

Свердловск лета 1941-го жил своей лёгкой, провинциальной жизнью. Женщины продолжали смеяться. Шуршать красивыми креп-жоржетовыми цветными платьями. Мужчины вальяжничали, кто в шляпах, кто в кепках, со значками ГТО на груди и без них. Работали ещё фонтаны. Танцплощадка в парке Вайнера отзывалась фокстротом «Рио-Рита». Читали газеты на скамейках. Гуляли в парках дети. Тревога назревала, но не придавливала. Как и во всей стране.

У студентки Августы Константиновны Киселёвой (через десятилетие ставшей Мезенцевой) в 1941 году ещё учёба шла полным ходом в институте Москвы. Её сестра пошла добровольцем в армию в медицинские войска. Местом дислокации назначили Ржев. Августа ездила на автобусе «Москва – Ржев» проводить сестру. Сёстры виделись, гуляли свободно вдоль Волги. Опасность ещё не нагрянула чёрным вороном, раздирающим землю и тела.

Летом 1942-го студентов отпустили в бессрочный отпуск. До наступления лучших времён:

– Разъезжайтесь по домам самостоятельно. Доучимся потом.

Легко сказать, а как это сделать? В поезд не сесть. Гуля месяц и так и сяк добиралась до Новосибирска. Вот-вот зима настанет. Родная деревня стоит на реке Чулым ниже по течению. Навигация закончена.

– Что-то надо придумать. Что-то надо!!! Что? Что? Что?

На берегу одиноко валялась перевёрнутая лодка. Девушка вечером спряталась под ней от холода. А утром тяжёлую лодку перевернула, столкнула в реку, нашла остатки одного весла и поплыла.

– Раз валяется – значит никому не нужно. Воровать ведь я не буду чужое.

Течение было быстрым, страшным.

– Вдоль берега как-нибудь тихонько доплыву. Дома меня уже потеряли! Быстрее, быстрее, быстрее!

Лодка жадно почуяла реку. Неожиданно вода стала прибывать. Топь. В дне была дырка. Поэтому лодка и валялась никому не нужная. У студентки имелась алюминиевая кружка. Из общаги. Августа вычерпывала кружкой быстро-быстро постоянно прибывающую ледяную воду. В перерывах между этим едва продвигалась к своей деревне, гребя одним веслом.

– Домой! Домой! Домой! Ой-ой-ой! – реветь некогда.

От ледяной воды ноги онемели. Руки ломило. Без пропитания. Вокруг лагеря с заключёнными на разработках леса. Охрана объектов с ружьями. Зулейха не одна открывала глаза. Августа Константиновна открывала их так же, как она.

Пять дней одна двадцатилетняя девушка боролась с рекой, тайгой, судьбой. Если что-то случится, никто никогда не узнает, где и как. Дорога студентки из Москвы за тридевять земель в деревню Томской области закончилась прибытием из пункта А в пункт Б.

Хаос и неразбериха кочевали по всей нашей бескрайней стране.

Осенью 1941-го в Свердловск повалили эшелоны эвакуированных предприятий. Быстрее что-то, куда-то, кого-то рассовать, распахать, пристроить. Свердловск мгновенно сделался резиновым. Он стал растягиваться до невероятных размеров. Спокойствие, провинциальность мгновенно закончились. Город не готовился к этому. Он растерялся, оторопел. Продукты, средства первой необходимости катастрофически исчезли.

В октябре прибыл ЗИК. Промышленный гигант. 52 эшелона. Станки, силовые установки, подъёмно-транспортные устройства, полуфабрикаты для артиллерийского оружия. Рабочие с семьями. К заводу агрегатных станков рельсы проложены не были. Разгружали как только можно. Телеги, лошади, машины, спины рабочих.

– Здравствуй, завод имени Калинина!

УЗТМ хотел гостеприимно потесниться. Но там уже размещали другое артиллерийское производство. ЗИК впихнули к Зиночке на завод. А Зиночку перевели на ЗИК. Завод станкостроения предоставил свой недостроенный корпус для зениток. Добродушный Станкострой пригласил в свои хоромы эвакуированных работников. Кто поместится. Как огурцы в трехлитровой банке – в тесноте, да не в обиде, все в своём соку, – старались выкроить место для всех.

Игрушечные, как на макете, бараки Станкостроя уплотнили. Заселили-подселили всё что можно. Национальности, профессии, род занятий перемешались среди комнатух. Украинцы, белорусы, узбеки, русские. Тыловики – одна семья. Замечательные люди! Лучшие на земле! Трудолюбивые, жизнерадостные, отзывчивые. Женщины – трудяги, работяги – мужики. С ними старики, детвора, кошки-собаки. Всё, как полагается в большой семье.

Вы не найдёте этот Станкопосёлок ни на карте, ни упоминаний о нём в архивах. Всё, что связано с ракетами, большой-большой секрет. На карте города того времени просто белое пятно. Существовал он до середины 1950-х. Потом бараки снесли. Территория пошла под расширение производственных площадей ЗИКа. Где, чего и как – окутано тайной. Но это история жизни и счастья реальных людей. Тружеников тыла. Без которых бы победа нашей страны не осуществилась.

Война набирала немыслимые обороты. Зинаида Ниловна крутилась на трёх должностях. Кладовщик, секретарь, кассир. Домой приходить спать не всегда получалось. Завод работал на победу круглосуточно.

С Кирочкой виделись в обед. В столовой. Заводская столовка традиционно находилась за пределами завода. Без пропускного режима. Кира прибегала туда чуть пораньше. Занять два места. Для себя и мамы. Хотелось сесть у окошка. Передвинуть стулья получше. Дети есть дети. Её уже знали.

На входе в столовую стоял санитарный контроль. Всем заливали по ложке пихтового отвара из большой кастрюли. Витаминизация рабочих доступными методами. Ложку выливали в открытый рот, не касаясь слизистой.

– Следующий, – всё происходило мгновенно.

Места заняты одеждой. Кира стоит в очереди. Смотрит:

– Где там моя мамочка?

Зинаида Ниловна уже бежит. Перерыв мгновенный. Да и опять задержалась:

– Моя хорошая, очередь заняла? Давай кастрюльку.

Питание для работников по талонам. Дополнительно кое-что за деньги. Но не всё, а выборочно. Без излишеств. Кира приносила кастрюльку. На двух бабушек. Супчик или второе. Что бог пошлёт. Ещё и домой донести изловчиться. Сохранить – не пролить.

Работяги непрерывного производства проходили без очереди. Они были все прокопчёнными от работы и усталости. Лишь бы чем-то забить живот. Заглотил что есть. стакан чая опрокинул и бегом широченными шажищами на рабочее место.

Зато эти минутки обеда только для мамы с дочкой. Утром Зинаида уходила, дочь ещё спит. А если и приходила, то уже спит.

– Как ты?

– Печку подтопили. Всё прибрали.

– Ах вы мои хозяйшечки! Ешь давай. У меня котлету забирай. Я не люблю, – Зина перекладывала самое вкусное в тарелку дочки.

Мамы, они и во время войны мамы.

В животе от горячего обеда тепло. Можно обхватить маму, прижаться к ней. Она заводом пахнет, гарью. Обнять её крепко-крепко, чтобы никуда не уходила.

– Кируша, я побежала, – Зинаида Ниловна целовала любимую макушку.

– Ма, еще 10 минут, как минимум, – Кира не открывала глаз и слегка дремала.

– У нас срочный заказ, я должна со склада отпустить. Я пошла, котёнок...

Бабушки накормлены. В доме холодина. Топили всем, что может гореть. Когда гореть было уже нечему, что делать? Брали у сторожа, что склад охраняет с ружьём. Без спроса. Воровали. Совсем маленько. Чтобы только не околеть. Но за полведра угля могли расстрелять.

– Мародёры, – Иосиф Виссарионович знал всё.

Могли не заметить, что ребёнок нуждается в народном хозяйстве. Пойманный же взрослый, нерадивый сторож – несознательные элементы. Статья, приговор, срок. Обоим.

Кроме Кирочки за углем идти больше было некому. Бабушки не дойдут. Зинаида куёт победу для народа. Её личный народ, домашний, трясется под одеялами от холода.

С мамой общались записками на газетных кромках:

– Мама, я ходила за углём два раза. Стоял сторож, – реально существующая историческая зарисовка.

Кира с подружкой ждали темноты. Ведро в руки. Пальтушки шалью крест-накрест подвяжут. Страшно. Примерзающие к полу сквозь валенки ноги притупляли страх.

Сложнее всего сторожу. Ходит-ходит туда-сюда в тулупе. Сам-то чувствует, что дети в засаде сидят.

– Вот ведь, шантропа! Взрослому-то ведь уже б пальнул. Берите уж да тикайте отсель, ядрёна вошь, – страж весь про себя изругается.

У самого такая же свистопляска дома с холодом.

Встанет сторож как бы прикурить за углом. Отвернётся, прикуривает нарочно долго. Покашляет громко. Боковым зрением увидит мелькающие валенки. Комар носа не подточит. Люди отличались от зверей. Помогали друг другу, кто чем. Кто хлебом, кто отведённым от угля взглядом.

Работа

Зиночка любила свою работу. Она бы могла учить детей. Диплом Института благородных девиц готовил исключительных преподавателей. Но враг народа ничему хорошему не научит. Детей им доверять нельзя. Укусят или обманут.

На ЗИКе работает просто. Коллектив очень дружный. Статист, калькуляр, кладовщик, секретарь. И всё на одном заводе. Как в фильме «Весна на Заречной улице»:

*Я не хочу судьбу иную.
Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня.*

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	
			Общий стаж работы по факту до поступления в Свердлов. завод Артез. Ст.-ав. составляет семь лет			
			Свердлов. завод Артез. Ст.-ав.		Подтвержд. документ	
	1931	VI	28	Принята в бухгалтер.	на должность калькуляра.	Вест. №606
	1938	XII	7	Перевед. в З.З. Ст.	на должн. техн. планиф.	Респ. опр. №344
	1941	XII	1	Переведен на работу по специальности	з-д КИМ-У З.З. Ст.-ав.	приказ №123
				М. И. КАЛИНИНА		
	1941	XII	1	Принят ст.	учетчик.	

Трудовая книжка Зинаиды Ниловны Черниковой.
Личный архив

Суровые люди проходили через проходную режимного предприятия. Первые, похожие на последних. Но на заводе они были просто людьми. На уставших лицах озарялись улыбки. Узнавали:

– Как дела? Твои дома накормлены?

Работы всегда крайне много. Смена пролетала молнией.

Подработка кассиром началась у Зинаиды Ниловны как приработок. Доверить выдачу зарплаты сразу не могли, при всём уважении. Вдруг смоемся с деньгами неблагонадёжная личность. К заводским кассирам выстраивалась длинная очередь. Пока отсчитают, сдачу сдают, в ведомости распишутся. Змея очереди движется медленно. С ноги на ногу переминаешься, пока дождёшься. Тут появилась кассир Черникова. Её длинные, тонкие пальцы пересчитывали пухлую пачку денег мгновенно.

– Тр-р-р-р... – как счетная машинка, – пожалуйста, ваша зарплата.

Рабочие поначалу отходили, пересчитывали.

– Всяко ошиблась.

– Купюр-то особо не касалась.

– Надо же, всё верно.

У Черниковой ошибок не было. Всё было точно. Дебет неизменно сходился с кредитом копейка в копейку.

Кассиром она стала отменным.

В день получки сразу смотрели:

– Кто выдаёт?

– Хоть бы Зинаида Ниловна.

– Быстро очередь пройдет. До конца смены успеем.

Канцелярские книги Черникова вела каллиграфическим почерком. Без помарок. Как летописные рукописи. Зинаиду Ниловну просили стенографировать все собрания. Писала она быстро. Поспевала за оратором лучше печатной машинки. На отчетных мероприятиях президиум сидел помпезно. Нескончаемый стол принято застилать скатертью. Самобранки такого размера точно не найти. Зиночка сама предложила:

– Давайте нашим ковром.

Ковёр необычайно красивый. Дар от Игуменьи Иларии с орловской земли. Монахини ткали в монастыре под Орлом. Больше любой домашний стены. Под три метра высотой. На чёрном фоне расцвели огромные красные маки с молодой зеленью. Ковёр дышал насыщенным цветом, сочностью бытия, философией жизни.

– Приноси, – быстро согласились на заводе.

– Вы что, я его и не унесу. Присылайте двоих рабочих. Один не снимет со стены, – Зинаида улыбнулась.

Руководство завода ахнуло, когда огромный стол застелили неземной красотой. Графин с гранёными стаканами стеснялись находиться на этом великолепии.

– Зинаида Ниловна, теперь все собрания только с вашим ковром.

– Не возражаю, – Черникова была рада.

Ковер был огромным, но не громоздким. Мягкая фактура позволяла сложить его гармошкой. Коврик запрыгивал на плечи, пускался в путешествие: Станкострой – завод – Станкострой. Так и носили на каждое партийно-профсоюзное собрание. Как Ильич бревно на субботнике. Зиночка с работы писала записку. С запиской приходили в шестую квартиру. Бабушки с Кирочкой выдавали святыню. Президиум восседал, так сказать, в маковом благоухании. Никакой пропаганды наркотиков в этом не усматривалось.

1958 год. Совет ветеранов ЗИКа. Зинаида Ниловна Черникова третья справа во втором ряду. Личный архив

Протоколы собраний вела только Зинаида Ниловна. Другие секретари не поспевали. Приходилось подстраиваться под их манеру писать. Время проведения затягивалось. Если Черникова задерживалась, о графин, оповещающая открытие заседания, не звенели. Ждали.

В трудовой книжке Черниковой одно-единственное предприятие. Длинною в жизнь. ЗИК. Провожая на заслуженный отдых, Зинаиде Ниловне подарили настольные часы каслинского литья с циферблатом завода. И верные счёты ушли со своей хозяйкой. Считать счастливые минутки с семьёй.

Но размеренное бытие быстро нарушили. Создали Совет ветеранов ЗИКа. А как без секретаря?

– Ниловна, выручай.

– Куда ж вас девать. Я, как ковёр, всегда готова.

Да, да, да, да! Еда!

Мальчишки, совсем шкеты, в заводские обеденные перерывы в годы войны бегали с бидончиком и стаканом. Девятилетний Борис Новиков с ватагой пацанов водичку продавали. Простую из водопровода. За копеечку. Совсем маленькая по стоимости того времени денежка. Работяги по пути в столовку после удушающих гремящих цехов просто руку подымали вверх. Говорить от усталости не могли. Маленький разносчик с бидоном около тебя. Стакан исчезал залпом.

– Мальчик, дай ещё. Вот тебе 10 копеек.

– Счас, сдачу.

– Оставь себе. Мамке отдашь.

Шустрые мальцы крутились между людским потоком. Получалось копеечек десять. А когда и рублишко. Денежке радовались. Дома одни женщины да старики, с деньгами туго. А копеечка, как водится, рубль бережёт.

Хлеб привозили к окончанию смен на заводах. По карточкам. Инвалиды да малые дети – кто мог – заранее занимали. Очередь быстро двигалась. Был бы хлебушек. Отметка в карточке, пайка хлеба:

– Следующий.

Бывает, оплошают, отметку в карточке не выстригут. Семён Семёнович Шапов, демобилизованный после контузии, от голода и безысходности раз и мотнулся снова в конец очереди. Тут милиционер за шкуру такого удалца и в участок. Что тут делать?

– Хлеб выбросить? – это невозможно, руки трясутся от одной мысли.

– Сдать в участке? Могут посадить, расстрелять – что угодно, – сознание Семёна путается.

У органа власти на спине глаз нет. Взял да и заглотил лишнюю буханку за пару жевков. Как удав. Постовой оглянется на тебя – ну и не жуёшь в тот момент. Так и в участке оказались:

– Фу-ты ну-ты. Где хлеб?

– Не было, товарищ милиционер.

– Как не было? Я что, слепой, по-твоему?

– Никак нет, товарищ милиционер.

– Ведь сожрал?

– Никак нет, товарищ милиционер!

– По глазам вижу, что сожрал. Ведь цельную булку умял, контра.

– Никак нет, товарищ милиционер.

– А ну, пшёл отсель! Заладил тоже мне: «Никак нет, никак нет». Расстрелять бы вас всех, никак нет!

– Слушаюсь, товарищ милиционер! – да бегом из участка.

На нет и суда нет. Сытому закон не страшен.

Главное дотянуть до весны. Там начиналась крапива. Везде её клали. Хоть в щи, хоть вместо чая. Сушили, к муке истирали. Боялись цинги. Одуванчики оживляли салаты. Из корней этого сорняка кофе варили. Горечь приятная и польза. Что могли, то и ели. Сушили в зиму.

Зиночка с Кирой приноровились капустой похлёбки заправлять. За день заводская столовка начистит бачок некондиции. В конце смены очистки с прочим мусором выбрасывают на помойку. Дверь пищеблока отворяется, а на столовские доедки уже рой желающих.

– Чинь-чинь-чинь, – только руки в потёмках мелькают.

Борис Новиков справа. Личный архив

Нагребёшь сумку в темноте-спешке того, что бог послал. Дома на свету смотришь: когда гниль одна ослизшая окажется. Бывает – повезёт, что-то удастся выбрать. Промоешь, срежешь, вычистишь – вот похлёбка и заправлена. Подмороженное – не брак. Сразу закинуть в кастрюлю, пока не потекло в тепле. А ели баланду за круглым венским столиком серебряными ложками. С вензелями. Других просто не было.

Тревога была в сердцах, но не в желудках. Никто не унывал. Свердловск не сдавался.

Зинаида Фёдоровна Козина (1868 – 10.10.1943)

В 1943 году Зинаида-старшая болела. Уже совсем-совсем. Мудрая, гордая, непоколебимая. Яркой внешности и волевого характера. Благородная пожилая женщина, угасающая, как свечка на ветру, на уральской земле. Сохранившая семью сына Ивана с Женей. Спасшая от ареста дочь Зину с внучкой Кирой. Зинаида Фёдоровна – отражение эпохи России на рубеже 19—20 веков.

У её отца Фёдора Григорьевича Козина в начале 19 века имелся свой винный завод. Случилось несчастье: взорвался паровой котёл. Фёдор трагически погиб.

Зинаида Фёдоровна Козина до революции была хозяйкой винной лавки под Орлом. Бизнес шёл бойко и успешно. И оптом, и в розницу, и на разлив. Она знала все нюансы винного производства. Сомелье, бармен, предприниматель, собеседник – толковая женщина во всех вопросах.

*Зинаида Фёдоровна Козина-Мезенцева. 19-й век.
Личный архив*

Сёстры Козиновы: Зинаида, Анна, Клавдия. 19-й век.

Личный архив

1930 год. Орёл. Личный архив

Свидетельство Зинаиды Фёдоровны Козиной об окончании Ливенской женской прогим-
назии. 1883 год.

Личный архив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.